

*Дыханием земного мига
Бездушная согрета вечность,
Но уходящим ранит книга:
За каждым словом — человечность...*

Мамед Халилов

Совсем недавно я впервые услышал имя Мамеда Халилова, прочитал его стихи и прозу...

Язык, слово — инструмент писателя. Фразы достаточно, чтобы понять, владеет ли автор своим инструментом и в какой степени. Для меня несомненно, что Мамед Халилов — мастер. Уроженец Дагестана — он в совершенстве владеет русским языком. То, что его стихи положены на музыку, еще одно тому подтверждение...

Живем в такое время, что о писателе, давно и серьезно работающем в русской литературе, живущем в соседней с моей Вологодчиной Ярославской области, узнаю почти случайно. Впрочем, я верю, что ничего случайного не случается в этом мире...

Передо мной двухтомник Мамеда Халилова — том прозы «Сокровища из хурджина» и том поэзии — «Тень журавля»...

Открывается прозаический том повестью «Дом окнами на восток»...

Читал я эту повесть — и чем дальше, тем более знакомым казалось мне то, о чем пишет Мамед Халилов. Пишет он о том, как человек, родившийся в Дагестане, в горном селе, и дав-

но живущий в России, ставшей родиной и для него и уж тем более для его детей, едет туда — в родное село... А напомнило мне это повесть Василия Белова «За тремя волоками» и повесть Валентина Распутина «Последний срок». Я не буду здесь пересказывать содержание этих уже классических произведений русской литературы, не буду пересказывать и повесть Мамеда Халилова... Повесть его, как и стихотворение, что я поставил в эпиграф, «ранит уходящим», но за каждым ее словом — человечность.

При всей схожести с названными произведениями Белова и Распутина — она, конечно, оригинальна. Просто тема затронута та же — вечная и общечеловеческая. И с точки зрения вечности и человечества — не важно, возвращается ли человек в северорусскую деревушку, в сибирское село или дагестанский аул...

И конечно же, вспоминается и «первоисточник» (хотя все три автора при написании своих произведений вряд ли думали о нем) — евангельская притча о блудном сыне...

Безусловно, Мамед Халилов работает в традиции писателей-почвенников, названных в 70-е годы прошлого века «деревенщиками», писателей и в те атеистические советские годы следовавших традиционной для них по праву родства и памяти христианской, православной нравственности. Халилов — человек исламской культуры, но его творческое родство с русскими «деревенщиками» лишь подчеркивает единство традиционной нравственности в этих двух великих религиях.

А стихотворение из второго тома еще подчеркивает сходство уже не литературное, а жизненное (подобное стихотворение вполне мог написать, например, Василий Белов, да и писал). Разве, читая о родине Мамеда Халилова, не думаю я о своей родине?.. Как и автор предисловия к тому поэзии — Магомед Ахмедов, я приведу это стихотворение полностью, оно дает понятие об одной из граней поэтического таланта Мамеда Халилова и хорошо иллюстрирует его прозу.

МОЙ АУЛ

Из странствий дальних возвратясь домой,
Нашел я те же горы и дома.
Но мир предстал иным: он был не мой,
Иным был воздух и страна сама.
Цвели отроги гор — была весна,
Все было, как и тридцать лет назад,
И над аулом старая сосна
Корнями уцепилась за базальт.
Стареют горы — постарел и я,
И лабиринты улиц мне тесны.
Разъехались родные и друзья.
Среди руин витают только сны.
Все было тем же, но найти не смог
Того, за чем пришел издалека:
Был камень мостовых — не стало ног,
Их стерших за минувшие века.
Пугали окна глубиной пустот,
Осиротели скотные дворы.
Иное время, и аул — не тот:
Скелет печальный золотой поры.
Душой озябнув на чужих ветрах,
Чужого дома сосчитав углы,
Я думал, что найду костер в горах...
Но сам я лег золой на слой золы.

И разве же не ложится и моя память золой на слой золы уже былой, минувшей жизни?..

Мамед Халилов не стесняется затрагивать и «неудобную» тему межнациональных отношений.

Для меня, жителя города, в котором есть представители, пожалуй, всех кавказских республик России и независимых ныне государств, тема эта близка и понятна. Я, мои знакомые, друзья, земляки периодически возмущаемся засилием «черных» (что скрывать, именно так и называем), поведением некоторых из них... Много раз я слышал примерно такие слова (да ведь произносил их и сам!): «Если бы я себя так вел у них, меня бы тут же зарезали!» И разве нет правды в этих словах? Есть, но это не вся правда, потому что не лучшим образом ведет себя нередко и наша, русская, молодежь (в этом она мало отличается от молодежи кавказской); потому что мы — коренные местные жители, часто стесняемся или просто боимся поставить на место зарвавшихся хулиганов, какой бы национальности они ни были. Но ведь правда и то, что среди выходцев с Кавказа, живущих в наших русских городах — много хороших людей. Я даже уверен, что их больше, чем плохих (они, как всегда, не так заметны).

Скажу более — среди моих знакомых, приятелей, учеников (а я долгое время работал тренером по борьбе) много выходцев с Кавказа. Все они — хорошие люди, надежные, честные...

Но это все взгляд с одной стороны. И мне, русскому, интересно (и полезно) узнать взгляд с другой стороны. Вот диалог дагестанцев в повести «Дом окнами на восток»: «...Один сезон проработал в Москве с бригадой — натерпелся стыда, набрался злости. К нам, дагестанцам, там относятся хуже, чем к неграм из Африки. За тех хоть их государства заступаются, а мы в своей собственной стране, как изгой — не нужны мы России и лишние у себя в Дагестане. Недаром мой сосед Ахмед говорит, что лучше быть в Германии собакой немца, чем в России дагестанцем...

— Ну, не знаю, — перебил его Багаудин. — У нас в Вологде, например, хорошие отношения с местными...

— Вы, наверное, давно там живете? — посмотрел на него Эмирхан.

— Давно. Лет двадцать пять.

— Тогда понятно. Вы для них уже не дагестанец, а свой, местный. Они просто привыкли к вам...»

Вот как они о нас говорят... Тем значимее, важнее для меня, русского читателя, слова главного героя повести Алибека, давно живущего в России и приехавшего в родной аул, которые говорит он своим землякам: «То, что здесь у вас творится с вашего молчаливого согласия, по мне бьет сильнее, чем по вам. Вы не знаете, каково это — смотреть в глаза русским матерям, чьи дети гибнут на Кавказе от рук фанатиков, экстремистов. Вы не можете представить себе тот стыд и то унижение, которое мы, живущие в центральной России, испытываем, читая объявления о сдаче квартир, — в этих объявлениях люди пишут: «Дагестанцев просим не беспокоить»...

Вот о чем думает и говорит приехавший после долгой отлучки на малую родину дагестанец, дом которого, семья, дети — давно на севере, но окна всегда смотрят на восток.

«Одного только до сих пор не мог сделать Алибек — зайти в тот старый дом, где он родился и вырос. Какая-то неведомая сила удерживала его от этого... Но в глубине души твердо решил, что на следующий год приедет сюда со Светланой и сыном Русланом, что отремонтирует, приведет в порядок саклю своего детства»... Не об этом ли мечтают и тысячи людей в России (а и не во всем ли мире) — русских, татар, дагестанцев... Вернуться на свою землю, вместе с сыном привести в порядок саклю своего детства.

А дагестанцу Алибеку надо еще и исполнять завет мурлы (бывшего когда-то парторгом): «...ты, сынок, делай свое дело — сближай народы в меру своих сил. Без этого нам не выжить...»

Впрочем, сказал он это не только Алибеку...

Вторая повесть сборника — «Куда ты ушла, Аминат?»

И опять животрепещущая, большая тема — уход молодежи в экстремистские организации. И опять Мамед Халилов смело вскрывает важную и страшную тему. Что, разве и по сей день не опасаемся мы этих женщин в широкой черной одежде, памятуя трагедию «Норд-Оста», взрывы в метро и самолетах?..

Общество потребления, двуличие, царящее в нем, забвение традиционных нравственных ценностей, коррупция власти — вот причина неверия молодежи официальной пропаганде. Одна из причин...

Вот Махачкала, увиденная глазами горца: «За последние десять лет облик города неузнаваемо изменился: откуда ни возьмись, появилось множество богатых, вычурно разукрашенных особняков. Огромные супермаркеты соседствовали с ветхими одноэтажными домами старой постройки; магазинчики, кафе и всевозможные салоны, теснясь друг к другу, лезли поближе к проезжей части улиц и проспектов, загребая под себя пешеходные тротуары и детские игровые площадки. Засилье безвкусной, неграмотной рекламы превратило город в абсурдную инсталляцию, словно сотворенную сумасшедшим художником. И всюду текли машины, машины, машины...»

Знакомый «пейзаж», не правда ли? «Пейзаж», в котором магазины и машины вытесняют живую жизнь, человека, личность, оставив место лишь для толпы. Одиночество в толпе, бездушие, безлюбие — вот причины, толкающие молодежь в лапы сектантов, уголовников, экстремистов.

Как молодые, современные, образованные девушки и юноши попадают в сети радикалов, показано на примере Аминат, выбравшей радикальное исламское движение и смерть... Еще страшнее и горше от того, что показана история Аминат глазами ее матери — Марьям. Что же это за сила такая — религиозный экстремизм, если даже материнское слово бессильно против него?..

Мамед Халилов не дает однозначного ответа. Но тема эта не менее остро, почти публицистически, раскрывается и в стихотворении «Режим КТО»:

<...> Страшно, зная время,
С болью тайной сознавать:
Поутру в программе теленоостей
Вдруг бандитом могут
Мальчика знакомого назвать.
<...>
Он убит, как те,
Что без суда осуждены,
Брошенные кем-то
В подлых игр круговерть,
Дети Дагестана —
Наши дочери, сыны.
Это страшно, если люди
Привыкают
К слову «смерть».
Я страшусь представить новый,
Нарождающийся день:
Кровь невинных —
Порождает только кровь.
И не важно — кто убит, когда и где:
Торжествует смерть
И напропа любовь.

<...>

А того мальчишку
На коленях я качал.
И ему из ивы
Вырезал свистульки я.
Разве мог он стать убийцей?
Нет, убийцей он не стал,
Но убийцей назван теми,
Кто в него стрелял.
Эти дачи на Рублевке:
Краше теремов:
Генералы, депутаты
Строят их в ночи...
Ложь ложится кирпичами
В стены их домов,
И кровавые откаты
Крепят кирпичи...

Это им, строящим свои дворцы на кровавые «откаты», нужно, чтобы русские и дагестанские юноши убивали друг друга. Но тот «мальчишка на коленях у меня» — русский или дагестанец — сын великой матери России...

...Кончится безвременье
Сегодняшнего дня.
И тогда припомнят вам
И лживые слова,
И того мальчишку
На коленях у меня...

Вторая половина сборника прозы: рассказы, эссе, публицистика...

Именно в короткой прозе, по-моему, наиболее органично переплетаются, сливаются в единое полотно лиризм, публицистичность, философичность и художественность Мамеда Халилова.

Его короткие рассказы, действительно, как сокровища из переметной сумы — хурджина, щедро раздаваемые читателю. В этих рассказах и родной для автора Дагестан и уже не менее родная Россия, природа, люди... Прежде всего — люди. Творчество Мамеда Халилова — это напряженная дума о человеке.

Сидящие на годекане старики, они ведь такие же, как и наши, сидящие на завалинках и лавках у изб (вернее, сидевшие еще лет тридцать назад), и женщины, судачащие обо всем и обо всех у сельского магазина — такие же в горном ауле и в лесном поселке. И так же поминают пастуха Ивана, как и чабана Шихамира. «Старый чабан Шихамир, всю жизнь пасший коров, воспитавший десятерых детей, неграмотный, но по-житейски мудрый, никогда не зарившийся на чужое, кристально честный и прямой, — спи спокойно. Пусть успокоится душа твоя в садах Дженнета». А по-русски мы бы сказали: «Царствия Небесного...»

И разве мы, русские и православные, не верим в «небесный годекан», где ожидают нас родные любимые души?.. «Прав был Гаджи-Юсуф насчет годекана — возвращается земное в землю, становится глиной сотворенное из глины, но не исчезают сущности, одухотворявшие глину. Они покидают прах и поднимаются ввысь к небесному годекану...»

В конце сборника, в очерке «Последний урок», Мамед Халилов уже напрямую обращается и обращает читателя к своим и нашим литературным учителям: Василию Белову и Валентину Распутину. Возвращается памятью (и я вместе с ним) в сиротливо притихшую заснеженную Вологду дня похорон Василия Белова... «...С Беловым ли мы приехали прощаться? Здесь было нечто большее — задним

числом я начинаю понимать, что мы приехали, чтобы проститься с привычным нам миром, с эпохой, которая уходила от нас...»

А через несколько лет вслед за Беловым ушел и его друг и соратник Валентин Распутин... «Мучительно трудно быть бесстрастным летописцем эпохи, трагична и тяжела судьба этих людей. Но счастливы народы, имеющие таких сыновей...»

Последнее эссе сборника — с длинным названием: «Слово о вере, или луч истины в неопределенности серого». Начинается эссе словами: «Почти сорок лет — изо дня в день, из года в год — я пытаюсь нащупать узенькую тропинку, ведущую к Богу...»

И вот я снова в Дагестане. И уже не надеюсь когда-нибудь получить ответы на мучительные вопросы о добре и зле, о свете и тьме. Стараюсь впитать в себя всю панораму жизни в целом, со всей палитрой красок — от белого до черного. Но дыхание мое сбивается, и я задыхаюсь без ответа на свой главный вопрос: как в серой бездне буден выйти на путь, ведущий к Аллаху?» И заканчивает: «В точке схождения начала и конца начинается дорога к истине. Мир вам!»

Я очень мало сказал о стихах Мамеда Халилова. Ничего не сказал о его замечательной любовной лирике... Ну пусть здесь будут хотя бы эти четыре строчки:

Я пылью стал у ног твоих,
Но ты смела ее устало,
Не зная, что твои следы
Лишь эта пыль и сохраняла...

Отдельного разговора, а перед этим не только чтения, но и изучения требует поэма «Повесть неоконченная гор...», посвященная истории Дагестана XVII–XVIII веков.

Свои скромные впечатления от чтения двухтомника Мамеда Халилова закончу еще одной его миниатюрой под названием «Гвоздь»:

«Человек не может удержаться на небе — сила тяжести навсегда пригвоздила его к матери-Земле. Но он может вобрать небо и удержать его в себе. Ибо он — Господень гвоздь, сшивающий воедино небесное с земным и придающий смысл как небесному, так и земному...»

Тут, пожалуй, и добавить нечего...

